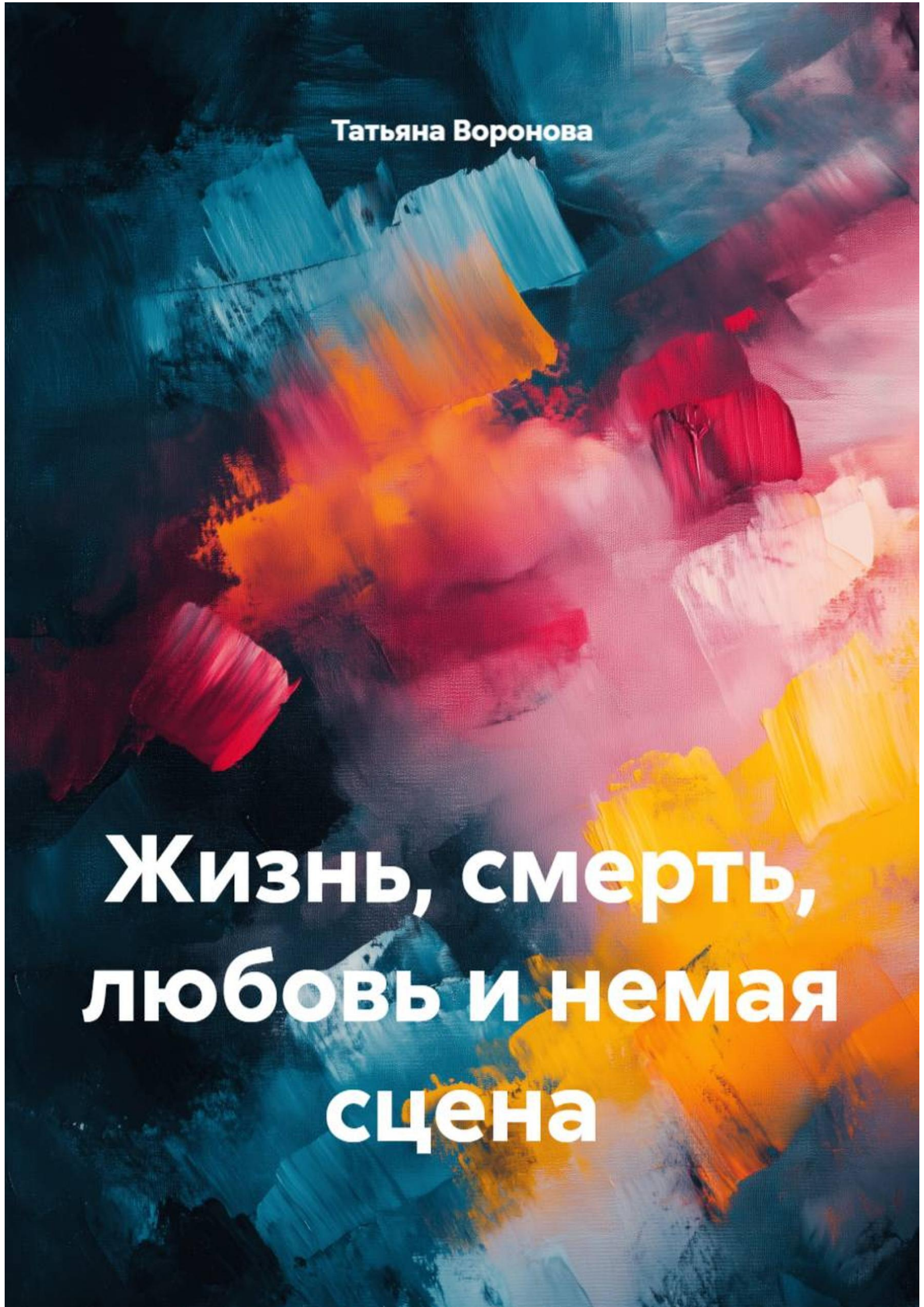

An abstract painting with a rich, textured background. The composition is dominated by bold, expressive brushstrokes in a variety of colors: deep blues and teals, vibrant oranges and yellows, and rich reds and pinks. The colors are layered and blended, creating a sense of depth and movement. The overall effect is one of intense emotional energy and artistic spontaneity.

Татьяна Воронова

Жизнь, смерть, любовь и немая сцена

Татьяна Воронова

**Жизнь, смерть,
любовь и немая сцена**

«Автор»

2026

Воронова Т.

Жизнь, смерть, любовь и немая сцена / Т. Воронова — «Автор»,
2026

Добро пожаловать в смещенную реальность и иные пространства, где герои
обретают особое зрение и теряют привычный облик.

© Воронова Т., 2026

© Автор, 2026

Татьяна Воронова

Жизнь, смерть, любовь и немая сцена

Татьяна Воронова

Жизнь, смерть, любовь и немая сцена

рассказы и пьесы

Нас двое

Позволь представиться...

Впрочем, лучше я не буду этого делать. Не потому, что так невежлив, чтобы заставлять тебя тратить время на общение с незнакомцем... но если бы с тобой случилось то же, что и со мной, – ты бы сам себе этого не позволил.

Да и кто из нас станет твоим знакомым? Нас двое, *меня* двое; но с одним ты просто не захочешь разговаривать – он любому, даже себе гадоку, – а второй почти умер во мне: еще немного, и его совсем не станет. Самое страшное – задавленный своей новой, отвратительной сущностью, я все же иногда вспоминаю, что был когда-то иным...

Лютость, лютость моя, чадаящая перегаром старости и поедающая меня моим же собственным ядом! Я весь зарос шерстью, грубой, коричневой шерстью, – но она уже начинает выпадать, обнажая задубелую шершавую кожу, покрытую желтоватой чешуей, как коростой. Мне холодно; я прикрыл бы себя перепончатыми крыльями в бородавках, они широки – но уже не осталось сил поднять их. Скоро – о-о, унижение! – их насквозь изгрызут мыши и примутся потом за мой длинный голый хвост, совсем не признав в нем почти такой же, как и у них самих! Только, пожалуй, побольше... Клыки, торчащие их пасти, почернели и гниют, боль сверлит (почему-то всегда по ночам) почти без перерыва. Иной раз я от нее готов землю насквозь пробуравить – а вместо этого только лежу и царапаю... да

какое там царапаю, просто провожу по земле когтями время от времени: они ведь тоже сла-

Ты не хочешь смотреть на меня? Страшно, да? Мерзко? Понимаю... А ведь было время, когда я ничем от тебя не отличался. Больше того – ты бы мне мог позавидовать.

Да и кто бы не захотел быть похожим на меня, хотя бы немного, – когда не знали надежнее и искуснее меня воина во всем Можжевелевом Краю? Так, кажется, назывались наши места... Болотистый северный край, боками выходящий к морю. У самой его кромки – огромным серыми бородавками в воду впиваются скалы – у одной из них я сейчас залег...

Я был когда-то человеком. Как и все, имел жену... Красивую, подумаешь ты? Да пожалуй, редкой красавицей она не была; вот только глаза у жены были точно особенные: чистые, черные, ясные, как вода в колодце, когда посмотришь туда ночью... и дна им не видно.

Отца я лишился в ранней молодости, когда только-только научился сносно владеть оружием; но мать жила со мной все время. Здоровье я унаследовал от нее, а ростом и статью – пошел в отца. Мать часто говорила мне об этом, а жена – я взял ее совсем молодой – придумала себе такую забаву: заставляла меня, когда мы сидели вечером дома, поворачиваться к свету и говорила при этом, будто ободок зрачка у меня чуть-чуть серебрится. Не знаю, правдой ли это было – так утверждала моя жена, а женщинам, особенно влюбленным, трудно в чем-либо верить.

К тому же *теперь* мои глаза уж точно не будут серебриться... Светлое, серое, зеленое – все осталось вокруг меня: небо, скалы, море, гладкая галька, рыба, промелькнувшая в воде... Все, – но только не мои глаза! Они жадно раскрываются тому, что видят: светлое, серое, зеленое плещется и блестит перед ними, дрожит и движется, и тихо течет одно в другое, словно заполняя до самых век мои глаза... но они по-прежнему остаются тускло-черными, будто провалы двух прогоревших угольных ям...

Я был когда-то человеком. Без меня не обходился ни военный поход, ни праздник. Даже мои соперники – было видно по их лицам, что и они испытывали тайную гордость за меня, когда я побеждал на состязаниях... И хотя обо мне не сочиняли песен – поэтов у нас было мало, – а каждая вторая женщина не мечтала обо мне день и ночь, – все в Можжевелевом Краю знали: если нагрянет опасность, – им бояться нечего. Знал и я.

Это меня и погубило.

Прошло два года с тех пор, как я женился, – когда в Краю Можжевельников случилась беда. У северо-западной оконечности – как раз там, где я сейчас обитаю – завелось чудовище.

Никто не знал, откуда оно появилось и каким путем – воздухом или морем. Никто не знал, как оно в действительности звалось. Но два слова – «мохнатый дракон» – поползли по селениям, и любой от этих слов приходил в ужас, даже если сам стоил дюжины умелых воинов. Люди начали пропадать один за другим. За короткое время наши края охватило страшное, душасщее смятение: только об одном все могли – и все боялись говорить.

Над Краем Можжевельников, как облако болотных паров, стоял зловещий шепот. Какие-то слухи доходили и до нас. Это был явно не обычный дракон – к ним-то мы привыкли: они тут все время туда-сюда носятся, и у большинства пока ума хватает, чтобы не полыхать огнем везде, где только в голову взбредет. Любой малыш из наших мест, если увидит дракона, испугается его не больше обыкновенной вороны. Вообще существа они умные и по-своему дружелюбные; а уж о драконах-людоедах никогда в наших краях и не слышали.

Тем более все были напуганы, когда появился он. Хотя ни один из моих земляков не мог в точности описать это чудовище: тот, кто пока оставался цел, меньше всего хотел с ним повстречаться; ну а те, кто видели его вблизи, – понятное дело, мало что уже могли рассказать. Поговаривали, однако, что с виду этот пришелец был похож на крысу невиданных размеров, но тело у него было вытянуто, как у настоящего дракона, а по бокам гремели широкие жесткие крылья – словно предупреждая о его появлении. Только спасения от него все равно не было.

Свою добычу мохнатый выслеживал мгновенно, молниеносно приближался к земле – опередить чудовище не сумел бы никто – и захватывал человека, причем не лапами, а длинным

узким хвостом, как петлей. Я слышал, что он у дракона гибкий и крепкий, точно кнут; наверняка многие задыхались в его тисках еще по дороге в драконье логово. А с теми, кто попадал туда живым, дракон вытворял... Тут я не знал, насколько этой молве вообще можно верить. Говорили, будто язык у новоявленного чудища длинный и узкий, как у медведя, а не раздвоенный драконий, – будто пойманные им умирают не то от его ядовитой слюны, не то от непереносимого ужаса, – ну а дракон и падалью не брезгует... Много чего говорили. Но лишь в одном сомнений не было: убивал он изощренно, – словно обладал разумом.

Откуда только брались такие слухи?.. Что в них было правдой, а что – выдумками досужих стариков? Неужели кому-то удалось уйти от дракона живым – или нашлись храбрецы, сумевшие его выследить и остаться незамеченными?.. И где оно обитало, это чудовище, – откуда оно появлялось и куда уносило обитателей Можжевелового Края?.. Я не побоялся бы пойти на косматого и в одиночку, – но как искать того, чего не знаешь? И не дожидаться же, пока жесткие крылья загремят над твоей крышей – под которой с тобой живут старая мать и жена на сносях.

Но... все-таки дождались. Сперва – один наш охотник ушел на промысел, да так и не вернулся. Потом где-то у излучины лесной реки обнаружили его сапог – видно, с ноги свалился, когда... А спустя пару недель в нашем селении появился незнакомец – явно беглец: кожа на руках и ногах содрана, ссадины на лице, одежда – в лохмотья, а в глазах... Их невозможно описать, эти глаза. Только они о пережитом ужасе и могли рассказать – их хозяин говорить как будто разучился.

И тогда я решился. Надо было отыскать чудовище и прикончить его, – пока оно не опустошило весь Можжевеловый Край. Я вызвался сам. Других смельчаков не нашлось. Тот беглец пришел по дороге, ведущей на север. Значит, надо было идти туда.

В день, когда я собрался в путь, проводить меня высыпало чуть ли не все селение. Мальчишки возбужденно шушукались, откровенно глаза на мой меч, висящий на новой перевязи, – старики качали головами и опускали глаза.

Вдруг из толпы показалась старуха – такая древняя, что, наверное, уже лет десять дальше своего порога не выползала. Я ее раньше и не видел ни разу. Но она приближалась именно ко мне, не говоря при этом ни слова, – и я невольно остановился в ожидании.

– На чудище вышел? – спросила она сразу и напрямую. Я даже не успел поздороваться – но ей, похоже, и не были нужны мои приветствия.

– Да, матушка. Только где его искать – кто бы мне сказал...

– Старик знает, – ответила бабка. – Прямо только иди, не поворачивай никуда, и ближе к морю держись. Там его и увидишь.

– Какой старик?.. – растерялся я.

– Что меж лесом и морем живет. – Старуха повернулась ко мне спиной и заковыляла обратно: похоже, она решила, что сказала мне все.

– Ищи старика, – отозвался кто-то из толпы. Я не видел сказавшего: может, это в моей голове прозвучало, а показалось – будто со стороны.

... Я тронулся в путь. Три дня я шел, никого по дороге не встретив: даже птица не пролетала над головой, даже ящерка не мелькала у меня под ногами. Кто распугал их – уж не мохнатый ли? Время от времени я беспокойно вглядывался в небо, – но и оно оставалось пустым, чистым и бестревожным.

На третий день пути я увидел его. Того, о ком говорила старуха из нашего селения. Он сидел на большом камне, покрытом рыжевато-бурыми пятнами мха; сидел спиной к лесной чаще и лицом – к морю, прямо и неподвижно, словно видел другой его берег и высматривал что-то на нем.

Я сразу понял, что это тот самый старик. По виду он ничем не отличался от обычного рыболова, да и одет был так же. Но, приблизившись, я заметил, что его густая седина то вдруг

голубоватой покажется, то зеленоватой – а потом вновь серо-белая, как слежавшийся снег. Будто и не видел ты ничего.

Я подошел к нему и остановился. Старик обернулся. Он ничего не спросил и даже не удивился, будто и раньше меня встречал.

– На мохнатого дракона идешь, – сказал старец. – По доброй воле идешь. Только дороги не знаешь.

Я хотел было ответить, но понял, что тут не я должен расспрашивать: старик и без меня всё нужное скажет.

– Дракон скоро сам умрет. Потому среди людей и появился.

– Откуда?.. – я даже опешил.

Старик не ответил. И снова перевел взгляд на море.

– Пускай умрет – мало ли когда он умрет! Что же нам теперь, сидеть и ждать, пока он всех людей в нашем краю перегубит?

Старик снова посмотрел на меня.

– Хочешь уничтожить дракона?

– Да, хочу!

– Или хочешь людей от него спасти?

– Да разве это не одно, отец?..

Мне показалось, будто старик усмехнулся.

– Вижу я, нет в тебе страха.

– Не приучен бояться. Или я не воин из Края Можжевельников?

– Значит, *этим* дракон тебя не убьет...

Я ничего не понимал из его слов. Выходит, попавшиеся в лапы мохнатого – как-то по-другому умирали?

А старец продолжал:

– Ступай дальше, вдоль берега моря, пока серые скалы перед собой не увидишь. Дойдешь – самую большую среди них высматривай. Возле нее дракона ищи.

– А когда найду – как убить-то его? Куда метить?

– В прибрежных валунах притаись – оттуда за ним следи. И запомни: спящий дракон для тебя не грозен. Это ты для него опасен будешь – если сзади подойдешь.

– Сзади?.. Отец, но я воитель, а не разбойник. Я на любого противника всегда шел в открытую...

– Идти-то можно – да не всякого противника в открытую победишь. Пришел смельчаком – не стань дураком. Не твоим мечом драконью шею перерубить. Дракон только хвостом до своей добычи дотянуться и может. Сзади к спящему чудовищу подойди – и хвост отсеки: там, где серое кольцо поперек него проходит – туда целься.

– Так проснется же мохнатый! И от боли – еще сильнее разъярится!

– Разве ящерица ярится, если свой хвост у тебя в руках оставит?

Слова старика немного меня успокоили.

– Ну а потом?

– Потом?.. В камнях спрячься – и уходи незамеченным. Твое дело исполнено. Дракону умирать, не тебе.

– А если он снова прилетит? Как же тогда мои сородичи мне поверят? Позору не оберешься – не только хвастуном, но и трусом ославят...

– Тебе так дорога твоя слава?

Я не знал, как лучше ответить – вернее, боялся ответить и... сказать правду: что своей славой, как ни крути, все-таки дорожу.

– Тогда вот что еще выслушай. Даже если дракон прямо на твоих глазах умрет, – ничего драконьего себе не забирай. Ни чешуйки с его лап, ни волоска из его шерсти. И главное – в глаза дракону не смотри.

– А что в них? – не сумел я унять свое нетерпение. – Они так ужасны? Или заглянувший в них – тут же окаменеет?

– Может, и окаменеет. Да только от страха, – коли отыщется в тебе страх. А не отыщется...

– Чего ж тогда бояться, раз не отыщется?

– Испытывать тебя дракон будет. Не увидит боязни, – другое искать начнет.

– Что, отец?

– *Своё*.

Признаться, я опять ничего не понял.

– Ну а если не найдет?

Старик отвел взгляд.

– А вот этого – никто тебе не скажет. Но в глаза – не смотри. Двери беде откроешь.

– Хорошо, отец! Не уразумею – так хоть запомню! Прощай!

– Постой! – окликнул меня старик, едва я и на пять шагов не успел отойти. Я оглянулся.

– Жены своей... не касайся. Когда вернешься.

Тут уже настал черед усмехнуться мне.

– Да долго еще не придется.

– И потом воздержись. Чтобы чернота драконова сыну твоему не досталась...

Я удивился: неужели старик и это знает – кого моя жена вынашивает? И что за странные разговоры он завел мне вдогонку? Но рассуждать уже было некогда: солнце двигалось к западному краю неба, а я еще не нашел, где мне провести эту ночь.

... Седьмой день моего пути был в зените, когда я увидел перед собой острые серые пики, поднимающиеся над морем. Вот они, скалы, о которых сказал мне старик! По пути к ним – валуны громоздятся, один больше другого, да так, что и самого моря не видать. Такие громады – тебя надежней любой крепости от врага укроют... да только не валяются ли среди них человечесьи кости?..

Одна скала из серой гряды стояла чуть в стороне от берега и будто бы на целую голову возвышалась над остальными. Я двинулся к ней.

У подножия скалы – казалось, еще одна гора лежала, поросшая бурым лесом. По крайней мере, так издалека могло почудиться. Но чем ближе я подходил, тем явственнее видел, что не лес это, а жесткая шерсть, почти черная, всклокоченная ветром; из-под шерсти высывалась громадная чешуйчатая лапа, каждый палец которой заканчивался тусклым когтем. Бока мохнатой горы с тяжким шумом вздымались и опускались, и от этого дыхания расходилось вокруг – нет, не зловоние... но какой-то тяжелый, тревожный запах. Любой, кто почуял его, тотчас бы сказал: так пахнет старость.

Выходит, дракону действительно недолго жить осталось?..

А если они долгожители, эти драконы? Кто знает, сколько последняя четверть жизни у них длится! И может, загубленными человеческими жизнями – чудовище *свою* продлевает?.. Нет уж – слишком долго терпел Край Можжевельников, слишком долго шел сюда я сам, – чтобы дать мохнатому дракону умереть просто так, словно лесному ежу.

Я осторожно подошел еще ближе. Нападать нужно сзади – так говорил Старец-возле-моря... Дракон лежал неподвижно – его головы я не видел и даже сразу не понял, откуда надо подходить. Но потом разглядел его крылья – те самые гремучие крылья, которые наводили на всех такой ужас. Их черные пласты протянулись вдоль исполинского шерстистого туловища – куда-то вперед: похоже, дракон прикрывал ими голову. Мне неслыханно повезло: заявиться к дракону и – застать его спящим.

Но опять же – никто не знает, сколько продлится его сон!

Значит, нельзя терять ни минуты.

От туловища-горы тянулось что-то вроде длиннущего ремня из сероватой кожи. Я пригляделся: так это же хвост дракона, которым он оплетает свою добычу, как бичом! Даже представить жутко, если он вдруг вздумает им пошевелить – пусть даже во сне... Где же его уязвимое место – то самое серое кольцо? Для такой плотной чешуи мой меч – не страшнее иголки...

Знак, о котором толковал мне старик, я заметил не сразу: кольцо на драконьем хвосте расположилось почти у самого его основания. Я размахнулся что есть силы, ударил мечом по этому месту, и – о чудо! – чешуйчатый хлыст отделился от драконьего тела – будто лохматое чудище и впрямь было обыкновенной ящерицей, которая оставила свой хвост в руке у поймавшего ее мальчишки!

Пока я стоял и дивился, мохнатая гора зашевелилась. Обрубок хвоста-хлыста как-то странно дернулся, словно дракон проверял, на месте ли он, и хотел ударить им по земле. Черные крылья задвигались, наполняя воздух невыносимым шуршанием...

Я отбежал к ближайшему валу и укрылся за ним, исподволь наблюдая, что же будет происходить дальше. Но... ничего не происходило: дракон снова замер, прикрыл голову крыльями и – продолжал дремать.

Тут меня охватила нечеловеческая ярость. Это что же – я теперь должен тихонько уйти восвояси, а косматое чудовище – будет спокойно спать до тех пор, пока не придет к нему такая же спокойная смерть?

И оно даже не узнает, не увидит, кто его победитель?

Ладно, дракон не узнает – но пусть узнают другие! Чтобы воин из Края Можжевеликов – вернулся домой без трофея?.. Чтобы на моем поясе – не красовалась бурая драконья шерсть?..

Да не бывать тому!

Слова старика – точно ветром выдуло из моей памяти – вместе с остатками страха. Я подбежал к спящему чудищу сбоку – ухватил рукой толстый пучок жесткого, как у медведя, меха – и одним махом отсек его. А потом еще раз, – и еще. Вскоре я был опоясан этими бурыми ключьями, – словно оброс ими не хуже самого дракона...

И тут снова раздался звук, который я сперва не узнал, хотя уже слышал сегодня – мне показалось, что где-то над морем началась гроза. Но это дракон наконец-то проснулся – и снова расправлял свои жесткие крылья.

Он поднял их, эти черные перепончатые паруса, – и, пока опускал на землю, меня от этого взмаха как ветром отбросило в сторону. Я едва успел подняться и хоть что-то подумать, – как дракон выгнул шею, будто подкову, – и наставил свою морду прямо на меня.

Голова у дракона оказалась намного меньше, чем можно было ожидать от такой громадины. В глаза мне бросились широкие коричневые ноздри, два острых выступа на голове, похожие на небольшие рога, и полукруглые клыки, выпирающие из пасти. Но обо всем этом я в ту же минуту забыл: на меня уставились, меня поглотили – огромные черные драконьи глаза.

Он не разевал пасть – он даже не пошевелил ни одной из своих чудовищных лап. Каким-то неведомым прежде чутьем я понял, что он вовсе не намерен сожрать меня напрямик на месте. Более того – если бы я об этом начал думать, то точно бы оказался в его брюхе.

Но дракону нужно было *не это*. Он всего лишь *смотрел* на меня – прямо в глаза, не мигая – вернее, нет: не просто смотрел. Он как будто что-то во мне выискивал, проникая взглядом в ту незримую клеть, которую называют душой, и нагло, по-хозяйски в ней шарил. Я влип в его взгляд, как в черную густую смолу; даже если бы я всей этой самой душой захотел, – то не смог бы отвести своих глаз от драконьих.

Дракон не просто смотрел – он со мной *разговаривал*.

Не из слов, не из звуков состоял этот разговор. Но – странное дело – на память мне пришли все военные походы, бывшие прежде, все павшие в этих походах от моего меча... вспомнились состязания и поверженные мной соперники... вспомнилась и та ярость, которая клочкотала во мне при встрече с ним самим – моим молчаливым собеседником... и моим безжалостным судьей.

В ту минуту я не был воином из Края Можжевельников. Тусклыми когтями на гигантских лапах – я раздирал звериные туши; это я захватывал длинным гибким хвостом подвернувшихся мне путников; *мои* клыки не оставляли им никакой надежды, – *мои* крылья гремели в воздухе, заставляя обреченно замирать каждое сердце...

Нет, не противника высматривал во мне дракон, – а соратника.

Нас было двое – там, у серой скалы, до которой едва доносилось дыхание моря. Один был драконом, – другой по виду человеком. Но у каждого из нас – драконье сердце гнало кровь по жилам. И душа у нас была одинаковая – драконья.

Не знаю, сколько времени продолжался этот странный поединок. Но наконец черные провалы неподвижных глаз на миг прикрылись веками, и дракон шумно, с усилием выдохнул – меня обдало тяжелой, тревожной струей, вырвавшейся из его ноздрей. Затем он медленно от меня отвернулся, будто узнал всё нужное и теперь потерял ко мне интерес, – одновременно взмахнул крыльями и оттолкнулся от земли лапами (при этом мне снова едва удалось удержаться на ногах) – и улетел в сторону другого берега моря – откуда, наверное, и прибыл в наши края.

Должно быть, и умереть ему – тоже положено было там.

...Больше о мохнатом драконе в Можжевелевом Краю не слышали. Вскоре о нем и разговаривать перестали – чего обсуждать и вспоминать того, кого нет?

О Старце-возле-моря – тоже никто не припоминал.

Я и надеялся, и боялся встретить его на обратном пути, – но опутанный мхами камень был пуст. Только он и напомнил мне о том наставлении старика, которое я еще не успел нарушить.

«Жены своей... не касайся. Когда вернешься».

Что ж, это выполнить было куда проще – когда ты возвращаешься домой после двухнедельного пешего хода и готов от усталости заснуть чуть ли не на крыльце, – а жена твоя в тягости, да еще переносит ее так, что того и гляди с душой расстанется. Она как-то сразу поняла – что я не тем вернулся, кем уходил... но ни о чем меня не расспрашивала, даже взгляда сурового ни разу не бросила. Только однажды вечером, когда мы сидели у огня, жена мне тихонько сказала:

– А зрачки у тебя уже не серебрятся...

Это было первой переменной, лишь ею одной замеченной, – но не единственной.

Следующим знаком стал день большой охоты, на которую я отправился со своими товарищами. В наших лесах крупного зверя завелось – прямо невиданно; наверное, почуяли, что дракона уже нет, – вот и повылезли... нам же на радость. Не припомню, чтоб когда-нибудь у нас было съедено и запасено столько лосяного мяса и кабаньего сала.

Ну а в тот день – добычи было столько, что мы принялись свежевать ее сразу же, как только вернулись в селение. Пока я орудовал ножом, кто-то из моих напарников заметил:

– Слушай, ты так эту шкуру дерешь, как будто у тебя когти выросли...

Я даже остановился и посмотрел на свои руки: неужто и правда? Но, ничего такого не увидев, расхохотался во все горло, – а следом за мной засмеялись и другие охотники. Должно быть, я торопился – вот и померещилось им в моих движениях что-то звериное... А может, – дело в жесткой бурой веревке из шерсти мохнатого дракона, которую я теперь носил прикрученной к поясу? Может, она сама по себе делала меня похожим на...

Вечером того же дня я дождался, пока мать и жена лягут спать, – и бросил эту веревку в огонь. Сам не знаю, что меня заставило, – но почему-то хотелось побыстрее отделаться от своего трофея.

Драконья шерсть стала в огне как будто еще темнее, – медленно занялась и еле слышно зашипела, сгорая. И опять мне почудился – или на самом деле послышался? – тяжелый, тревожный запах, похожий на дыхание дракона... Слабой была эта струйка и быстро рассеялась, так и не долетев до ноздрей спящих женщин, так и не войдя в их легкие – и в кровь моего первенца.

Но я, как и моя жена, – продолжал вынашивать в себе новое, незнакомое мне существо (или все-таки... знакомое?), которое с каждым днем всё явственнее о себе заявляло.

...Во время праздника летнего солнцеворота, совпавшего с очередной удачной ловлей, – когда повсюду горели костры и медленно поворачивались на вертелах кабаньи и олени туши, – я поймал себя на мысли, что и впрямь готов разорвать голыми руками самую крупную из них – и выпиться в нее изо всей силы, не дожидаясь, пока та изжарится.

...Как-то вечером – в полутьме деревянной бани – я скинул с себя рубаху и... увидел на своей груди и руках островки жестких бурых волос. От роду со мной такого не было. Как будто и не северянин вовсе...

...Взглянув ненароком в ковш с водой, из которого хотел напиться, – я вдруг заметил, что мои ноздри стали шире, а глаза – больше и темнее... как будто и не мои они вовсе. Впрочем, мало ли что покажется в неверной поверхности воды... Я обхватил ковш обеими руками – и понял, что он вот-вот из них выскользнет. Мои ладони словно стали большими и неуклюжими, а пальцы – длинными и какими-то негнущимися...

Так вот что имел в виду старик, когда сказал мне: «Двери беде откроешь». Какие там двери – тут уже ворота настежь распахнуты, и ветер по двору гуляет!.. Выходит, скоро настанет тот день, когда...

Нет, – не настанет. А и настанет – меня не застанет! Если двери беде моей рукой открыты, – то, значит, из этих дверей должен уйти я сам.

В одну из ночей в конце лета, когда воздух уже холодел и властно напоминал о приближающейся осени, – я навсегда покинул свой дом и родное селение. Именно тогда под нашей крышей раздался первый крик моего сына.

В ту ночь – я думал о нем в первый и последний раз, хлеща по морскому мелководью длинным и узким хвостом, похожим на хлыст, и оставляя на влажном прибрежном песке отпечатки своих тяжелых когтистых лап.

...Эй, путешественник! Слышал ли ты о косматом драконе из Края Можжевельников? Если нет, – ты явно в наших местах недавно. Иначе не стал бы вздрагивать, заслышав в воздухе далекий гром его крыльев.

Нет, не дрожи, не пугайся – он не преследует людей и вообще держится подальше от человеческих поселений, а особенно – от того дома, где молчаливая черноглазая женщина растит сына, отец которого исчез в самую ночь его рождения. От этой летающей громады – крупному лесному зверю не уйти живому: сила дракона – в длинном хвосте, мощном, как ременный кнут; один его удар – и самый могучий медведь в лесу повалится мертвым. А дракон, говорят, не брезгует и такой добычей.

Но главная его цель, главная его жертва – другие драконы, которые рассекают небо над Можжевельным Краем. Это для них он – самый первый враг и преследователь, хотя и не наделен огненным дыханием. Что? Ты думаешь, огонь из пасти обычного дракона в один миг опалит бурый мех на драконе с гремящими крыльями?.. Да не успеет она открыться, эта пасть. Длинный узкий хвост мигом оплетется вокруг шеи противника...

Иди, иди своей дорогой, чужестранец. Битва драконов в воздухе – это зрелище, достойное созерцания. А дракон, пожирающий дракона, – на это лучше не смотреть никому. Ступай

в ближайшее селение – может, там тебе расскажут, если еще помнят, о славном воине из Края Можжевельников, в одиночку ходившем на другое мохнатое чудище. Но не верь, если скажут тебе, что он сгинул бесследно: не мог сгинуть тот, кого ты только что видел.

И дракон, и тот воин – это всё я.

Только второго во мне – с каждым годом, с каждым глотком драконьей крови – всё меньше. Скоро, наверное, придет день, когда я совсем об этом забуду – о том, *кто* этот второй во мне.

... Кто сосчитал бы их – годы моего драконьего существования? Но они привели меня на край жизни быстрее, чем я думал. Поглощая жизни других драконов, – я не продлевал, а укорачивал свою.

Незаметно клыки мои расшатались, когтистые лапы ослабли, гремящие крылья отяжелели, и неподъемным стал страшный драконий хвост, от которого никому не было спасения. Умиравший дракон, – дракон, которого одолела старческая слабость, – да такого огнедышащие собраты мигом доконают... особенно если вспомнят его прежние подвиги.

В последний раз я взмахнул ослабевшими крыльями – и направился в сторону серых скал. Если верно, что дракону положено умирать там, откуда он явился, – то туда мне была самая дорога. Ведь это возле серых скал я драконом стал.

Там для меня и пещера нашлась, в которой я теперь и обитаю. Редко-редко выползаю я из нее – в надежде, что какая-нибудь крупная рыбина опрометчиво подплывет к берегу. Но по большей части – если боль мои клыки не сверлит и если холод не донимает – я почти всё время сплю... вернее, не сплю, а впадаю в старческое забытие, похожее на сон... тогда ко мне приходят, то и дело сменяя друг друга, путанные видения, в которых перемешались обе мои жизни – драконья и человеческая.

...Однажды мне приснилась прибрежная полоса... глухой шелест моря... и камень, поросший темно-бурыми пятнами мха. На нем сидел старик и тихонько пел. Язык этой песни не был знаком тому, кто вырос в Краю Можжевельников, – но я, как ни странно, все в ней понимал. Старик пел о молодом охотнике из этого края, который ни разу не видел своего отца – но которого почему-то прозвали Сыном дракона.

Старец окончил свою песню и посмотрел – из моего сна – прямо на меня. Он как будто хотел мне снова что-то сказать, – но внезапно моя дрема рассеялась, точно разбитая каким-то звуком.

Может, это рыба плеснула? Или камешек оторвался от скалы и с глухим стуком упал на песок? Да нет, – этого звука я прежде здесь не слышал... А если это какой-нибудь зверь, который только рад воспользоваться моей немощью?.. Нееет, надо выползти из пещеры... надо видеть своими глазами, что вокруг нее происходит...

Туман, висевший над серыми скалами несколько дней подряд, почти рассеялся – от него осталась только легкая дымка, пронизанная лучами утреннего солнца. Кажется, день обещает быть теплым. И то хорошо – хоть погреюсь немного...

... Около серых скал снова слышался звук человеческих шагов.

Колокольчик прокаженного

... Никто не знал, откуда взялся этот обычай – казалось, он существовал с тех пор, как в городе появился первый прокаженный. Уж такая болезнь проказа – где первый, будет и второй, а там и до третьего недалеко... Как и везде, зараженные поселялись (вернее, их насильно селили) за городской чертой, в старых лачугах, готовых вот-вот развалиться, но которые, понятное дело, никто и не думал чинить. Каждый из прокаженных обязан был носить на шее колокольчик, предупреждающий горожан о случайном приближении заболевшего. Никто не знал, откуда взялся этот обычай. Но соблюдался он свято.

Ромалия и ее родители жили в городе недавно – с тех пор, как отец девушки получил здесь должность судьи. Пользуясь свободой нравов, царящей в этих местах, Ромалия часто бродила по улицам, любовалась старинными домами, кормила птиц на площади, коротала время у фонтанов – иногда в сопровождении служанки, а иногда и одна: одежда выдавала в ней богатую горожанку, которой многое позволено, – да и кто бы посмел обидеть дочь самого судьи? За Ромалию во время этих одиноких прогулок не беспокоились ни ее родители, ни она сама. Оживленный город, по сравнению с жизнью в загородном имении, где Ромалия воспитывалась и выросла, гораздо больше подходил для ее наблюдательного, пытливого ума.

Несколько раз, бродя по улицам, Ромалия видела женщин (чаще почему-то женщин), которые несли горшки с едой и сосуды с питьем, направляясь в сторону городской окраины. Она бы не обратила на них внимания (мало ли горожан снуют туда-сюда с какой-нибудь ношей), если бы не внешний вид этих женщин. Несмотря на жару, они кутались в белую ткань наподобие плаща, их лица были закрыты платком чуть ли не до самых глаз, а руки – вернее, их открытая часть – замотаны тряпками. Женщины словно опасались даже капельки воздуха или лучика солнца.

Что означало это странное одеяние? Расспрашивать самих женщин Ромалия не могла: слишком уж быстро они всегда проходили мимо. Девушка решила поинтересоваться у пожилой соседки, когда та зашла однажды вечером в гости.

– Это несут еду прокаженным, – ответила соседка.

– А где они живут? В развалах за городом? – догадалась Ромалия. – Как же они узнают, что к ним пришли?

– Да никак, – вздохнула соседка. – Они знают условное место, куда им приносят пищу, да иногда одежду. Туда и приходит один из них, забирает.

– А откуда горожане знают, что этим людям нужно? Кто-нибудь разговаривает с ними? – допытывалась девушка.

– Что ты! Что ты! – замахала руками соседка. – Приносят, ставят и тут же уходят. Особенно если колокольчик услышат, который прокаженные себе на грудь вешают. И ты, барышня, запомни: если этот звон где раздастся – беги оттуда без оглядки, сейчас же беги! Значит, кто-то из заразных случайно в городе оказался или еще одного в те хибары выселяют...

Ромалия задумалась. Характер у нее был решительный, а сердце доброе. Единственная дочь любящих, но разумных родителей, щедро одаренная жизнью, но при этом не избалованная, Ромалия не могла не сочувствовать любому, кто оказался в беде, тем более в такой. Может, и ее помощь пригодится? Главное, чтобы только ей позволили... С кем бы посоветоваться? Что, если пойти к лекарю, который живет на главной площади? В городе его уважают...

Лекарь принял Ромалию без особого удивления и даже с радостью: его жена тоже помогала обитателям зараженных лачуг, и спутница была ей только кстати. Родители девушки не возражали; только мать Ромалии несколько раз напонила дочери, чтобы та соблюдала все предосторожности.

– И лучше сжигай тряпки, которыми будешь оборачивать лицо и руки. Так оно безопаснее.

... Спустя два дня, рано утром, Ромалия с женой лекаря вышли из города и зашагали по направлению к небольшому пригорку, поросшему кустами ежевики. С этого места хибары прокаженных уже можно было разглядеть.

– Здесь все оставим, в тени, – сказала жена лекаря. Затем быстрым глазом окинула принесенное, присела, отобрала несколько хлебцев и бутыль с вином и указала кивком головы:

– А теперь пойдем еще в одно место.

Ромалия слегка удивилась, но любопытствовать не стала: решила, что в свое время все выяснится.

Они отошли в сторону на довольно приличное расстояние, и тут Ромалия едва не наступила в небольшой ручей: она не сразу заметила его посреди выжженной солнцем травы.

– Положи эти хлебцы вон там, возле валуна, – велела жена лекаря. – Лучше, если это сделаешь ты. У тебя руки молодые и добрые.

Ромалия послушалась.

– Почему мы пришли сюда? Здесь тоже кто-то живет?

– Да.

– Тоже прокаженные?

Жена лекаря ответила не сразу.

– Говорят, что да.

– Но где? Я не вижу никаких построек...

– А вон ту пещеру – видишь? Слева от валунов, за ручьем?

Ромалия кивнула. Вид невысоких каменистых гор был ей уже привычен.

– Там живет один из выселенных... из тех, что с колокольчиком ходят. Отдельно от остальных.

– Один? Совершенно один?

– Как будто так.

– А почему? Кто он такой?

– Говорят всякое... да мало ли кто что говорит. Слухи – вредная пища, и кормиться ими незачем. Но человека возле той пещеры видели точно. На вид вроде молодой... а там кто его разберет.

Больше Ромалия вопросов не задавала, но тайна этого места и еще больше – этого человека не давала ей покоя. Может, он и не прокаженный вовсе, а убийца или вор, скрывающийся от наказания?.. Впрочем, эта мысль надолго не задержалась в голове Ромалии: преступник просто сбежал бы в другой город, где его никто не знает, и дело с концом. А тут...

Почему этот прокаженный, и без того отделенный от нормальных, здоровых людей, сторонится даже товарищей по несчастью? Мудрые люди говорят, что общая беда сплачивает – неужели нет?..

Ромалия ни с кем не делилась своими раздумьями, но через неделю, собрав сверток с едой, завернувшись в полотняный плащ и обмотав лицо и руки старой чистой тканью, направилась к валуну у ручья.

Положив сверток на землю, она отошла чуть в сторону и присела. Роса уже высохла, но солнце еще не начало печь в полную силу. Станный наряд Ромалии немного ей мешал, но она настроилась на долгое ожидание и теперь напряженно вслушивалась – не раздастся ли звон колокольчика, внушавший всем горожанам такой ужас.

Прошел час или, может, два... и этот звук действительно послышался! Ромалия даже вздрогнула: уж не померещилось ли ей?

Но нет, позвякивание доносилось на самом деле. К ручью приближался юноша: действительно очень молодой, как и говорила жена лекаря – на вид лет двадцати, не больше, но хорошего роста. Правда, шел он, втянув голову в плечи, слегка подгибая при ходьбе колени и глядя в землю, словно вынюхивая невидимую опасность.

Немудрено, что он сразу не заметил Ромалию, сидящую чуть поодаль.

Но едва сверток с едой был поднят, девушка кашлянула, чтобы привлечь к себе внимание, и, поднявшись, сказала чуть смущенно:

– Доброе утро...

Юноша резко обернулся: он меньше всего ожидал увидеть перед собой человека. Казалось, он был готов убежать сию же минуту. Ромалия это подметила и не стала двигаться с места – только стояла и старалась смотреть как можно приветливее: ведь одни лишь ее глаза и можно

было разглядеть. Юноша перешагнул через ручей, словно через границу, но остановился и повернулся к Ромалии лицом.

– Не беспокойся, это я принесла, – заговорила она. – Ты живешь в той пещере, верно?

Он оглянулся.

– Тебе туда нельзя.

– Я знаю, – спокойно ответила Ромалия. – Я только хотела спросить: не нужно ли тебе чего-нибудь?

Юноша не сразу нашелся с ответом – он был не столько тронут, сколько испуган этой неожиданной заботой.

– Н-нет, благодарю.

– А другим?

– Н-не знаю. Я живу один.

Ромалии почудилось, что он опять норовит удрать.

– Как твое имя?

– Теофем.

Имя было необычное, но красивое – Ромалии оно сразу понравилось.

– Почему тебя так называли?

Теофем слабо улыбнулся.

– Родители выбрали...

– Они у тебя живы?

Юноша съежился – вернее, просто пожал плечами:

– Не знаю...

Видимо, Теофему был не по душе этот разговор, и Ромалия перевела его в другое русло:

– А меня зовут Ромалия. Я дочь главного судьи из города.

– Не слышал о тебе... Я уже давно не был в городе.

– Мы здесь живем не так долго. Кстати, я уже один раз приходила сюда, на твое... на это место. Неделью назад. – Она помолчала, Теофем тоже ничего не отвечал. – Хочешь, я снова приду?

– Дело твое, – еле слышно выдавил он, не глядя на Ромалию.

– А я приду! – горячо заверила она. – Наверное, еще через неделю.

По пути домой облик нового знакомого всё стоял перед глазами Ромалии – так подробно отпечатались в ее памяти черты Теофема. Он был худ, болезненно худ, на его лице в нескольких местах были заметны какие-то маленькие темно-красные рубцы – но не такие страшные, как представлялось Ромалии. Она вообще испытала гораздо меньше гадливости, чем ожидала от встречи с прокаженным. Даже глаза Теофема – карие, чистые, чуть печальные – не гноились, как это обычно бывает у пораженных болезнью. Впрочем, Ромалия знала о ее коварстве и о том, что эта зараза может добивать людей годами.

Свое слово Ромалия сдержала – и через неделю, и через две... Ромалия приходила к ручью, дожидалась, пока появится Теофем, и они разговаривали, стоя или сидя на траве – все так же, на расстоянии, по разные стороны ручья. Начинала и поддерживала беседу обычно Ромалия – Теофем почти ни о чем сам не спрашивал, хотя на вопросы девушки отвечать не отказывался. Даже покинув свою пещеру, он все равно как будто оставался в ней. Но постепенно его внутренние тиски немного ослабели, и юноша тоже начал интересоваться жизнью Ромалии. Сам он по-прежнему оставался не слишком словоохотливым, но слушать умел прекрасно – даже в его молчании чувствовались искренность и внимание.

Однажды Ромалия набралась храбрости и спросила:

– Почему ты живешь в этой пещере, совсем один? Ведь если с тобой что случится, никто даже не узнает...

– И пусть не узнает, – судорожно тряхнул Теофем темно-русой головой. – Со мной уже ничего не случится больше того, что случилось. Да и те, которые в лачугах, – мало отличаются от тех, кто в городе...

И постепенно, слово за словом, крупица за крупицей, Ромалия узнала историю Теофема – как он сделался одиноким жителем одинокого убежища в пещере.

Несколько лет назад Теофему вдруг стало худо; родители пригласили двух лекарей, те долго осматривали больного, затем вышли за перегородку и там еще дольше о чем-то говорили – сначала вдвоем, потом к ним присоединились негромкие голоса родителей. По обрывкам разговора Теофем догадался (он взял на себя смелость подслушать), что врачи подозревают у него тот страшный недуг, который навсегда отделяет зараженного от здоровых. Проводив лекарей и уложив детей, родители полночи совещались, спорили, никак не могли решить – как им быть, если подозрения врачей подтвердятся. Что тогда будет с самим Теофемом и младшими детьми? Разве можно подвергать их опасности? Нет, скорей, скорей...

Теофем снова рискнул подслушать – и что «скорей», понял сразу, хотя и немного по-своему. Люди видели в нем опасность – и оттого сами становились не менее опасны. И Теофем решил не ждать и сделать самому то, что не сегодня-завтра совершат другие. Он собственноручно надел на шею заклятый колокольчик – мол, не приближайтесь ко мне, не трогайте меня – и покинул дом.

В хибары прокаженных Теофем не пошел – видеть таких же несчастных ему хотелось еще меньше, да и кому он там нужен? Так он отыскал себе пристанище в пещере. Первое время питался тем, что находил поблизости, иногда по два-три дня его обедом была лишь вода из ручья. Потом о его существовании как-то узнали и стали приносить ему пищу. Наверное, решили, что он особенно заразен.

– И ты с тех пор ни разу не видел свою семью? И ничего не знаешь о ней?

Теофем мотнул головой.

– Думаю, и они обо мне мало что знают. Я даже не уверен, живут ли они еще в этом городе. Ни один из них сюда не приходил.

– Откуда тебе известно? Ты что, видишь на расстоянии?

– Догадался бы.

Он о чем-то подумал и добавил:

– И никто не приходил. Ты первая вот так пришла и заговорила со мной.

Ромалия улыбнулась.

– А что в этом такого?

– Ты не боишься.

– Чего бояться, когда ты здесь, а я тут? Да к тому же... – Она приподняла руки, обвязанные полосками ткани.

– Все равно... не стой слишком близко...

– Да мне и так уже домой пора. До свиданья, Теофем!

– До свиданья...

Возвращаясь, Ромалия все думала и думала об услышанном от Теофема. Станный он все-таки... смешным бы его назвала, если бы все не вышло для него так печально... Откуда столько боязни? Даже с ней? Или... в нем говорит обида – на тех, кто остался в городе, кто вытолкнул его в такую жизнь, да и вообще на всех подряд?

Если оно так – плохи его дела... Но Ромалия все же надеялась смягчить его одиночество и вернуть Теофему веру в людей. Для этого нужны только ласка, настойчивость... и время, время, время. Страшно было даже предположить сколько. Но Ромалия почему-то была уверена, что боль, причиненная Теофему, когда-нибудь заживет. Не те у него глаза, какие у злопамятных людей бывают. Даже когда Теофем мрачнеет или начинает упрямиться, его взгляд остается каким-то удивительно чистым...

Ромалия даже замедлила шаг.

Чистым! Она ведь еще в первый раз заметила, что глаза Теофема, да и весь его вид – как-то не соответствуют страшным описаниям прокаженных, которые она слышала столько раз. Так может быть... может быть, у Теофема была какая-то другая болезнь? Может, врачи тогда ошиблись? Может, он и не заразен вовсе?

Эта мысль так поразила Ромалию, что побудила действовать немедленно. Она на ходу срывала с лица платок и с рук – тряпочные бинты: все это она оставила на свалке у городских ворот. Умывшись в струях фонтана на главной площади, Ромалия бросилась к дому лекаря.

Девушке здорово повезло: он как раз вернулся домой за полчаса до ее прихода.

– Господин лекарь! – выпалила Ромалия прямо с порога той комнаты, куда ее проводили. – Господин лекарь, скажите, вам что-нибудь известно о прокаженном из пещеры? – И коротко изложила лекарю все, что знала о Теофеме. – Мне кажется, у него вовсе не проказа. По-моему, он так же здоров, как мы с вами...

Лекарь задумался и снова подробно расспросил Ромалию о том, как выглядит ее отшельник.

– Наверное, ты права, Ромалия... Но подтвердить это едва ли возможно.

Ромалия была само недоумение. Лекарь поспешил объяснить:

– Сама посуди. Если увидят, что кто-то с колокольчиком на шее заходит в мой дом или в чей-то еще – его же просто убьют на месте. А меня в свою пещеру он и подавно не пустит.

– Почему? Вы что-то знаете о нем? Или о его родных?

Лекарь опустил глаза.

– О Теофеме я кое-что слышал. Но его семью я никогда не пользовал. Даже не знаю, кто его родители и где их дом. – Лекарь вздохнул и прибавил: – У тебя горячее сердце, но мало опыта, Ромалия, – тебе трудно будет понять... Когда человек сам вешает себе на шею колокольчик прокаженного – тут врачи не помогут.

Ромалия ушла от него озадаченной, но все же утешенной. Скорее всего, у страха глаза велики, и Теофем действительно здоров, только сам не решается в это поверить. А лекарь – человек пожилой и просто, наверное, не хочет рисковать. Ну что же... тогда рискнет она.

Ромалия знала, что от прокаженных обычно исходит ужасный запах. Возможно, она его просто не чувствует – ведь лицо у нее самой закрыто. Придется один разочек расстаться с этой броней. Если Теофем сможет потом вернуться к людям – оно того стоит.

Страх Ромалия по-прежнему не испытывала. Ей вспомнился рассказ об одном праведнике, который даже обнимать прокаженных не боялся. Нет, Ромалия вовсе не собиралась этого делать и уж тем более не причисляла себя к праведникам, – но ведь тот человек был слабого здоровья, и зараза его не тронула. Значит, ей и подавно нечего опасаться.

Войдя в дом, Ромалия столкнулась с одной из служанок.

– Что с тобой, госпожа? У тебя лицо так и горит!

– Ничего... Просто на улице жара, а я шла очень быстро. Принеси мне свежей воды в комнату, – попросила она и поспешила к себе – обдумать всё без помех.

В следующий раз Ромалия отправилась к ручью в обычном виде для таких выходов, чтобы не вызвать лишних подозрений у домашних. Но сама она немного волновалась – при мысли, что сегодня Теофем впервые увидит ее лицо.

Дождавшись юноши, Ромалия попыталась вернуться к их последнему разговору и принялась осторожно расспрашивать о его давней болезни.

Теофем отвечал скупой, неохотной – Ромалии показалось, что он сейчас «уйдет в молчанку», как она это про себя называла. Девушка заговорила о другом:

– А как зовут твоих родителей, Теофем? Где они живут? Вернее, жили раньше, вместе с тобой?

– Зачем? – помрачнел Теофем. – Искать их хочешь? Это все равно что иголку в сене...

– Или этот ручей в траве. – Ромалия указала на струйку воды под ногами. – Я его сначала и не заметила.

Теофем слабо усмехнулся.

– Тебе не хотелось пить...

– Неважные границы у твоих владений, – улыбнулась Ромалия. – Тебе бы дозор поставить... Хоп! – и она легко перескочила через ручей, оказавшись с Теофемом лицом к лицу.

Теофем отступил на шаг назад.

– Ты что?..

– Ничего, – невозмутимо отозвалась Ромалия, освобождая руки от повязок. – Дозор-то не выставлен. Кто запретит? – С этими словами она сдернула с лица платок.

– Ты что?.. – повторил Теофем, ошеломленный еще больше.

– Мне жарко, – с нарочитым задором сказала Ромалия. Пускай считает ее этакой сумасбродной девицей – ей оно сейчас на руку.

– Но ты... но ведь я...

– Лекари иногда ошибаются. – Ромалия не прятала улыбку: никакого зловония не было и в помине – ее догадка подтверждалась.

– Какие лекари? – насторожился Теофем.

– Ну хотя бы те, что к тебе тогда приходили. Кто-то ошибся: или они, или ты...

Лицо Теофема стало напряженным.

– Что ты такое говоришь?

– Что ты, возможно, и не болен вовсе.

Юноша мотнул головой. Он не верил – или верить не хотел.

– А это? – он показал на свое лицо.

– Что-то другое... Но не проказа!

Теофем снова мотнул головой, однако промолчал. А Ромалия продолжала:

– Если это так, ты сможешь вернуться обратно...

– Меня не пустят, – перебил Теофем, сжав рукой веревку с колокольчиком отверженного.

– Негодная побрякушка! Можешь выбросить ее на свалку – там ей самое место!

– Меня могут узнать и без нее. Больше никто не думает так, как думаешь ты.

– Да ты совсем не похож на прокаженного! – в нетерпении воскликнула Ромалия. – Хотя бы моим-то глазам поверь! Сколько лет ты уже в этой пещере? Ну? Если за все это время лицо у тебя не распухло и кожа не покрылась струпиями – значит, врачи приняли одно за другое, и ты здоров, Теофем! Понимаешь? Здоров!

Теофем слегка сжался и сделал еще один шаг назад.

– Постой, Теофем... подожди... Подними рубашку. Пожалуйста...

– Нет... нет, – дважды повторил он, не столько с упрямством, сколько с каким-то отчаянием. Его словно страшила возможная правота Ромалии.

– Подними рубашку! – властно прикрикнула она. – Немедленно подними!

Ромалия не была вспыльчивой и никогда не помыкала даже слугами (родители бы ей просто не позволили), но в такие минуты ее волевой характер давал себя знать. Видимо, было в ее лице и голосе нечто такое, что заставило Теофема подчиниться.

Под истрепанной холщовой тканью виднелась белая кожа, совсем не тронутая – ни солнцем, ни ранами, которые проказа оставляет на теле человека. Лишь несколько темно-розовых, заживающих рубчиков портили эту нежную, молочную белизну.

Ромалия едва не задохнулась, а затем едва не заплясала от радости.

– Теофем! – выдохнула она. – У тебя не проказа! Лекари и впрямь ошиблись! Тебе здесь больше нечего делать, слышишь? Ты – не прокаженный, Теофем! Что с тобой, Теофем?..

В припадке восторга Ромалия не заметила, что юноша вдруг стал бледнее обычного. Его била мелкая дрожь.

– Нет.

– Хочешь и дальше оставаться тут?

– Да.

Ромалия едва не бросила: «Ну что за глупости!» – но, увидев потемневшие глаза Теофема, заговорила иначе:

– Теофем, милый... Идем со мной вместе! Если ты думаешь, что тебе некуда вернуться, если ты боишься, что твои тебя не признают – живи в нашем доме, мои родители примут тебя как родного, у них любви на десятерых хватит – уж я-то знаю! Ну же, Теофем? – Она протянула к нему руки. – Идем!

Теофем отшатнулся, словно это Ромалия была прокаженной, и быстрым движением убрал руки за спину.

Ромалия растерялась. Ее взгляд упал на веревку с колокольчиком, свисающую с шеи Теофема. Ее охватил гнев.

– Да сними же ты свой проклятый бубенец!..

Она подняла руку, чтобы сорвать ненавистный знак, – но Теофем резко оттолкнул ее.

– Уходи.

– Что?..

– Уходи... Уходи отсюда! Уходи!..

Ромалия не поверила своим ушам. Это кричал Теофем, всегда такой тихий, зажатый, боязливый – и кричал на нее.

На этот раз пересилила его воля. У Ромалии еехватило только на то, чтобы сдержать слезы. Она была оскорблена, ошарашена, сбита с толку – и совершенно не понимала, чем вызвала в Теофеме такую злость.

Отойдя на несколько шагов от ручья, Ромалия оглянулась. Теофема там уже не было. На рыжей траве белели только платок и полоски тряпок.

– Что с тобой, Ромалия? – встревожилась мать. Дочь была так расстроена, что не пыталась это скрыть. – Тебя кто-то обидел?

– Угу, – выдавила Ромалия и уткнулась матери в плечо, ничего не отвечая: мешал комок в горле.

Мать попыталась ненавязчиво успокоить ее и больше вопросов не задавала – видела, что дочери не до того. Да Ромалия и сама не хотела беспокоить мать рассказами о том, как близко сошлась с одним из прокаженных – ну, или кого считают прокаженным, какая разница. К тому же мать непременно приняла бы сторону дочери – не в ее характере было защищать того, кто довел Ромалию до слез. А от нападок на Теофема ей стало бы еще больнее. Она и сама не знала почему.

Немного успокоившись, она решила поговорить с отцом – не откладывая, этим же вечером. Он судья, он мудрый человек, через него столько людей проходит – уж он-то в них разбирается и сможет дать совет.

Улучив минуту после ужина, Ромалия попросила отца зайти в ее комнату. Там она все честно и подробно рассказала ему о встречах с Теофемом, о самом юноше и об их сегодняшней ссоре.

– Не понимаю, что я такого сказала... Чем я его обидела, пап?

– Ничем, Ромалия, не кори себя. Просто ты по своему сердцу поступала – а он по своему. А сердца у вас разные.

Ромалия, еще больше погрузнев, покачала головой.

– Нет, папа... Теофем не такой плохой, как ты думаешь. Ты же сам мне всегда говорил: желаешь узнать человека – посмотри ему в глаза. А у Теофема они добрые. Даже когда слова его злые.

– А я разве назвал его плохим человеком? – приподнял бровь отец. – Но вспомни: быть может, в его глазах было что-то еще, кроме доброты?

Ромалия прищурилась, вспоминая.

– Да, было.

– Что же?

– Страх.

Море страха, хотела добавить она, но почему-то не стала. Только обхватила руками колени и вздохнула:

– Знаю, ты меня будешь бранить за неосторожность... Но он не прокаженный, папа. Это любой подтвердит.

– Верно. Не прокаженный. Но он сам захотел им стать.

Ромалия встрепенулась. Что-то подобное она слышала раньше, от лекаря...

– То есть как?!

– Страх, Ромалия. Ты не ошиблась. Теофем боится людей... да и себя среди людей. И колокольчик прокаженного – вернейший способ от них защититься. Пусть тебя опасаются те, кого опасается ты.

Слова отца звучали правдиво, но до конца Ромалия не соглашалась.

– Будь оно так, он бы сбежал в свою пещеру в первый же день, когда я заявила. А он приходил каждый раз и разговаривал со мной – вот как я с тобой сейчас...

Отец усмехнулся.

– Да, – пока вы были по разные стороны ручья. А стоило тебе перешагнуть...

– Выходит, я виновата в том, что подошла ... слишком близко?

– Так близко, что увидела в нем не отверженного, не высленного, а такого же человека, как ты сама. Так близко, что поставила Теофема к жизни лицом... и наступила на хвост всем его страхам – и которые он испытывал, и которые внушал. Ты и колокольчика, его главного оружия не побоялась... – Отец чуть помолчал, раздумывая. – Да, ты хотела помочь Теофему. И это хорошо, Ромалия, это благородно – даже твоя неосторожность. Но чтобы выйти из пещеры, Теофем должен сам этого захотеть. Ни ты, ни кто другой его оттуда не выведет.

– Да неужели ему там лучше? Одному, впроголодь, в темноте да в тесноте? Только не говори, что все счастливы по-своему. Не верю я, будто кому-то в дождь сухо бывает.

– Знаешь, Ромалия, есть на свете люди, которых и счастье страшит, и чья-то любовь пугает... Похоже, Теофем из таких. Это вот мы с тобой рассуждаем – «где я буду счастливее». А у него другой подход – «где мне не будет хуже».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.